

ОПАЛЕНО ВОЙНОЙ

Он сделал
целью
своей
жизни
историю
боровшегося
и победившего
искусства.

НА КАКИЕ-ТО минуты мне кажется, что я ошиблась, не туда попала. Дверь то и дело открывается. Телефон звонит, не переставая. — На ближайшие месяцы, к сожалению, все экскурсии расписаны. Специально приехали из Казани? Тогда придется в воскресенье.

— Ты сказал, что лекарство для блокадника? Вернись в аптеку через полчаса, я сейчас туда позвоню.

В углу комнаты трое десятиклассников составляют алфавитный каталог, в другом — два пожилых человека надписывают фотографии. В комнату робко заглядывает женщина в пуховом платке.

— Наверное, не ко времени я...

Евгений Алексеевич перебивает:

— Товарищи, дорогие, вы не знаете, кто к нам пришел. Проходите скорее, садитесь, рассказывайте. Кто будет записывать?

С народным музеем «Музы не молчали» при 325-й ленинградской школе я давно знакома, но в этой маленькой комнате на первом этаже — впервые. Здесь нет ничего от архивной тишины и музейной размеренности. У непривычного человека голова должна кругом идти. Привычные не удивляются.

Наверху меня ожидал только-только открытый новый зал. В середине на постаменте — рояль, простоявший всю войну в Ленинградском союзе композиторов. Маленькая буржуйка, очаг тепла (такая же точно стоит в зале), собирала в войну людей к этому роялю, к этому островку жизни. Столько было за ним написано, столько сыграно! И теперь стоит он посредине зала, словно притягивая, словно объединяя, как прежде, судьбы ушедших и живых — музыкантов, композиторов и музыкальных критиков, сражавшихся на фронте или работавших в блокаду в Ленинграде.

Прижизненная копия работы Репина — портрет Глинки, рассеченный осколком вражеского снаряда. Запись умершего в блокаду композитора Л. Портова о книгах, взятых им в октябре 1941 года. Одна из последних страничек его дневника: «Если бы только было тепло... Даже при этом, хотя и жутком голоде, можно было бы подойти к роялю, работать, закончить симфонию, она так и застряла на третьей части...».

Известно, что фашисты заранее рассчитали, сколько, по их мнению, может выдержать осажденный город. Получалось — мало. Но разве они знали, что в блокадном Ленинграде Б. Асафьев будет писать книгу о Глин-

ке, продолжать работу над операми, что в той же типографии, где печатались продуктовые карточки, будет набран труд профессора Р. Грубера «История музыкальной культуры». Этот зал — о том, чего когда-то не могли учесть наши враги...

В этом зале — только подлинники: письма, фотографии, дневники, партитуры, личные вещи. Сто шестьдесят четыре судьбы. Да на это любому другому музею годы и годы понадобились бы. Когда основатель и руководитель этого музея Евгений Алексеевич Линд со своими добровольными помощниками это успел? Откуда у него эти потрясающие, еще никем не исследованные, не описанные документы?

Впрочем, эти вопросы можно в любом зале задавать. Здесь на втором этаже — четыре больших зала: театра музыкальной комедии, оркестра радиокомитета, музыкантов, композиторов и музыкальных критиков, еще не открытый зал фронтовых бригад. История сопротивлявшегося, боровшегося и победившего искусства, уникальный музей, второго такого нет.

Вся молодость Евгения

Линда состояла из увлечений, не имеющих отношения к тому главному делу, которым он в тот момент занимался. Он играл в джазе, вел, сочинял стихи, дрессировал собак, снимался в кино и написал сценарий художественного фильма. Но он за успехом не гнался, напротив, он оступал именно в тот момент, когда надо было сделать последний шаг, последнее усилие. Он бросал дело на полдороге, словно для него интерес был не сам рубеж, а доступ к нему.

Окончив педагогический факультет Ленинградского института им. Лесгафта, Евгений Линд пришел учителем в школу и взял вести клуб любителей прекрасного. Его хвалили: великолепный вечер Блока, еще лучший — памяти Достоевского. Его фамилию упоминали в числе лучших на всех совещаниях, а он считал, что его клуб «находится в тупике», что они повторяют уже знакомое, уже открытое.

Однажды Евгений Алексеевич прочел своим питомцам программу «новой жизни»: «Мы будем совершать поиск и собирать документы о ленинградцах, людях искусства, погибших в боях с ненавистным фашизмом на поле боя и в кольце блокады. Мы будем создавать музей о людях, которые, недоиграв своих главных ролей, недопели лучших арий, прямо со съемочной площадки «Ленфильма» добровольно уходили на фронт защищать Родину, жизнь, искусство...».

Началось-то с маленького, с одной темы, с одной судьбы. Но в войну страдали, боролись и побеждали вместе. Именно потому побеждали, что вместе. И как их отделишь — великого Карла Элиасберга, в жестокую стужу надевавшего фрак и дирижировавшего в неотапливаемом зале, и Татьяну Петровну Васильеву, единственного работника единственного нотного магазина в блокадном Ленинграде, которая, когда было нужно, сама переписывала ноты? Разве можно, рассказывая об артистах Театра музыкальной комедии, проведенного в осажденном городе свои военные сезоны, умолчать о билетах, которые негнувшись пальцами отрывали билеты?

С самого начала Линд понимал, что музей «Музы не молчали» должен стать коллективным памятником всем рядовым и нерадовым бойцам, приписанным в войну к полку искусства. Задача титаническая и, казалось бы, школьному музею непосильная. Но именно здесь, на этом музее, у Линда появились та выдержка, терпение и упорство, которых ему не хватало, когда речь шла о его собственных успехах.

Школьники вместе со своим учителем ходили по квартирам, рылись в архивах, писали письма, записывали воспоминания. Линд видел: негромкий будничный героизм оставлял в ребячьих душах след не менее глубокий, чем известные героические биографии.

Музей узнал судьбу всего состава оркестра, исполнившего Седьмую симфонию Шостаковича в Ленинграде, они сумели найти всех зрителей, пришедших в тот день в филармонию, и всех военных, ограждавших в тот вечер город от налетов и обстрелов.

Когда удивлялись, как он успевает так много сделать, Линд отвечал: «Любой на моем месте торопился бы». С самого начала, со знакомства с первыми свидетелями тех тяжелейших и ярчайших дней он понял, как безгранична сила человеческого духа и как ограничено время, отпущенное человеку. Зная судьба дала ему личный опыт постижения этой мысли.

ПОЗДНО вечером, когда пустеет комнатка на первом и гаснут огни в музейном помещении на втором, он звонит домой:

— Люля, я работу закончил.

Музей расположен в доме 6, Линд живет на этой же улице в доме 38. Четырнадцать домов, один перекресток, пятьсот шагов. Вечером без помощи Евгений Алексеевич Линд это расстояние одолеть не может.

Палочка в руке, мелкий шаг не подчиняющийся ног, расплывающиеся контуры бережной Пряжки — в темноте отказывает зрение. Каждый шаг — труд, каждый дом — рубеж, вся улица до дома — преодоление, которое длится четыре года.

Четыре года тому назад одна ночь разделила его жизнь жесткой чертой. Об этом подробно рассказав в «Литературной газете» Евгений Богат (позднее очерк вошел в книгу «Четвертый лист пергамента»).

После юбилейного вечера выпускников Института им. Лесгафта Евгений Линд сопровождал однокурсницу, при-

ехавшую на встречу из другого города. Когда возвращался обратно, в темной улице услышал «помогите» и бросился, не рассуждая, не рассчитывая, как делал это не раз.

9 января сорокасемилетний Евгений Алексеевич Линд выписался из больницы, и друзья, чтобы он мог передвигаться, набили ручки по стенам всей квартиры. 28 февраля в музее должен был состояться вечер, который готовил Линд еще до того дня, когда он бросился на помощь незнакомой женщине. Вечер состоялся, его вел Линд. Евгения Алексеевича привезли в школу и посадили в кресло, потому что стоять он еще не мог.

Преподавателем физкультуры он теперь уже не будет никогда. У него инвалидность второй группы и ставка школьного лаборанта. Каждый день он в музее — с утра до вечера. Он помещал квартиру — лучшую на худшую, чтобы жить рядом со школой. На долгий путь у него нет времени. И нет сил тоже, но об этом Линд говорить не любит.

ТОЛЬКО-ТОЛЬКО открыли новый зал, а на очереди зал фронтовых бригад и собирают материалы о художниках, писателях и деятелях кино. Такой темп, такой стиль здоровому не под силу. А он выдерживает. Но если бы Линд только музеем занимался!

Люди, к которым они шли за документами, за воспоминаниями, оставались в жизни музея. С ними делили не только счастливые дни (сколько юбилеев, сколько памятных дней отпраздновали вместе!), но и беды, болезни, одиночество. Приходилось заниматься делами совсем не музейными: ходить в аптеку, вызывать врача, покупать продукты, навещать в больнице.

Линд знал, что его ребята, придя на квартиру к больному человеку, не уйдут, не спрося, чем помочь. А как быть с теми, кто сам позвонит постесняется? Как быть с теми, кому трудно в гололед в библиотеку пойти? Кому вообще улицу одному не одолеть? Значит, надо знать заранее, кто нуждается в помощи. Значит, нужна картотека блокадников, у которых нет близких. Начали работать над картотечкой, Евгений Алексеевич понял, что нужна четкая система. Сейчас думают о создании «штаба помощи» и «совета дела».

Заботы музейные делая с Линдом многие. Бывшие выпускники школы, выкраивающие для музея время после работы или учебы. А иногда и после того и другого. Сегодняшние десятиклассники, которые просиживают здесь вечера, забывая о предстоящих экзаменах. Учителя, приходящие время от времени или, как Светлана Константиновна Шишкина, каждый день.

Музей «Музы не молчали» называют школьным, его можно считать общеленинградским. И все-таки это музей Линда. Его забота, его печаль, его радость. Его жизнь.

Е. БРУСКОВА,
наш спец. корр.

ЛЕНИНГРАД.

● Е. Линд.
Фото Б. Маркова.